

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ДНЕВНИКОВОЕ НАСЛЕДИЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО (1896–1933)

© 2019 г. М.Л. Спивак

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 03 марта 2019 г.

Дата публикации: 25 декабря 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-138-165

Аннотация: Андрей Белый рассматривается в статье как автор дневников. Его подлинных дневников сохранилось немного; большая часть считается потерянной. При этом у Белого много упоминаний о том, почему он в разное время обращался к ведению дневника. Задача статьи — проследить историю и судьбу дневников Белого, пропавших и уцелевших. Собранные воедино эти сведения показывают, сколь велика утраченная часть литературного наследия писателя. В статье доказывается, что Белый вел дневники большую часть жизни. Первый дневник («литературно-критический» дневник начинающего писателя), выполняющий роль творческой записной книжки, датируется рубежом XIX–XX вв. Следующий дневник (с 1912 г.) был связан с вступлением на путь эзотерического ученичества и представлял собой отчеты о пережитых духовных откровениях. После начала Первой мировой войны Белый начал вести «дневник философских мыслей», легший в основу цикла эссе «На перевале». Возможно, он продолжал его вести в революционную эпоху, до 1919 г. Новую вспышку дневниковой активности вызвала смерть А. Блока в 1921 г. Недавно стало известно, что Белый вел дневники в период эмиграции (1921–1923). «Кучинский дневник» (1925–1931) — самый значительный и по объему — 150 п.л., и по содержанию. Он был изъят в 1931 г. сотрудниками ОГПУ, и его местонахождение до сих пор неизвестно. Дневник 1932 г. сохранился, так же как и дневник 1933 г., прекращенный за месяц до смерти писателя. Представленный в статье материал позволяет сделать вывод о том, что существовали дневники разных типов: дневники «внешней жизни» и жизни внутренней, дневники интимные и творческие. Все они лежат в основе произведений писателя, причем как стилизованных под дневники, так и на первый взгляд не имеющих к дневникам прямого отношения.

Ключевые слова: Андрей Белый, символизм, антропософия, автобиография, дневники, литературный дневник, интимный дневник, творческая записная книжка, Советская власть.

Информация об авторе: Моника Львовна Спивак — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: monika_spivak@mail.ru

Для цитирования: *Спивак М.Л.* Дневниковое наследие Андрея Белого (1896–1933) // *Studia Litterarum.* 2019. Т. 4, № 4. С. 138–165. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-138-165

ANDREY BELY'S DIARY HERITAGE (1896–1933)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2019. M.L. Spivak

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
Received: March 03, 2019
Date of publication: December 25, 2019

Abstract: The article examines the work of Andrey Bely as the author of diaries. His original diaries are few in number; most of them are considered lost. At the same time, Bely has many references to why he used the diaries at different times. The purpose of the article is to trace the history and fate of Bely's diaries, both the missing ones and those that survived. Collected together, the data demonstrates how much of the author's literary heritage is lost. The article proves that Bely kept diaries most of his life. The first diary ("literary-critical" diary of the early writer), which served him as a notebook, dates back to the 19th–20th centuries. The next diary (from 1912) is associated with the beginning of Bely's esoteric discipleship; it is a report of the experienced spiritual revelations. After the outbreak of the World War I, Bely began to keep a "journal of philosophical thoughts," which formed the basis of a series of essays about the crisis of life, thought, culture, and consciousness. It is probable that he continued keeping it in the revolutionary era until 1919. A new outbreak of the diary activity was caused by the death of A. Blok in 1921. It has become recently known that Bely kept diaries during the period of emigration (1921–1923). The diary of the period 1925–1931 (the so-called "Kuchin diary") – the most significant one in terms of both its volume and content – contains 150 copyright sheets. It was seized in 1931 by the OGPU officers and is considered missing. The diary of 1932 has been preserved, as well as the diary of 1933, which the author ceased keeping a year before his death. The material presented in the article allows to conclude that there were diaries of different types: diaries of "external life" and inner life, intimate and creative diaries. All of them form the basis of Bely's works including, those that were either stylized as diaries and those that have nothing to do with diaries at first glance.

Keywords: Andrey Bely, symbolism, anthroposophy, autobiography, diaries, literary diary, intimate diary, notebook, Soviet power.

Information about the author: Monika L. Spivak, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: monika_spivak@mail.ru

For citation: Spivak M.L. Andrey Bely's Diary Heritage (1896–1933). *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 4, pp. 138–165. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-138-165

Автобиографические сочинения составляют весомый сегмент творческого наследия Андрея Белого. И в нем весьма значительное место занимают произведения, в большей или меньшей степени ориентированные на дневники или стилизованные под них [17, с. 786–806]. Это относится и к травелограмм Белого, и к его философским эссе из цикла «На перевале», и к публикациям в альманахе «Записки мечтателей», и к ряду других произведений. И уж вовсе имитирует интимный дневник «Материал к биографии» (с рождения до августа 1915 г.), в котором «автор брал себя, как объект анализа <...>, чтобы при случае дать на основании его художественное произведение (роман-автобиографию)» [9, с. 29]. Если не знать, что «Материал к биографии» Белый «начал протокольно записывать» только в 1923 г., то легко можно и обмануться, приняв воспоминания, структурированные по годам и месяцам, за настоящий дневник.

На этом фоне кажется весьма странным, что настоящих, синхронных описываемым событиям дневников Белого сохранилось крайне мало¹. При этом у Белого достаточно много упоминаний о том, что он в разное время и с разными целями обращался к ведению дневников. Собранные воедино, эти свидетельства наглядно показывают, сколь важное место занимали дневники в его жизни, и позволяют ощутить, как велика утраченная часть литературного наследия писателя. Задача данной статьи — проследить историю, назначение и судьбу дневников Андрея Белого, пропавших и уцелевших.

1 Мы не учитываем здесь пространные дневники природы, которые Белый вел в 1920-е гг. и которые нуждаются в отдельном исследовании, а также многочисленные автобиографические своды, в том числе записи регистрационного характера, специфика которых определена А.В. Лавровым и Дж. Малмстадом [24, с. 7–9].

«Громадный критический дневник». 1896–1902

В автобиографической повести «Записки чудака» юный герой «видит» себя 16-летним за характерными для себя занятиями:

<...> я — начитанный отрок, ведущий дневник, застаю в кабинете отца втихомолку читающим книги — себя: над «Вопросами Философии» я. Перевод Веры Джонстон «Отрывки из Упанишад». Начинаю читать [7, с. 449].

Знакомство с «Отрывками из Упанишад», опубликованными в журнале «Вопросы философии и психологии» (1896. Кн. 31 (1). С. 1–34), Белый в «Материале к биографии» датировал весной 1896 г. Там же, чуть позже, сентябрем 1896 г. отмечено: «Начинаю вести дневники и делать выписки из интересующей меня литературы» [9, с. 42]. Примечательно, что в «Материале к биографии», как и в «Записках чудака», обращение к дневнику объяснено не важными событиями личного свойства, но «сильным проявлением мистической жизни», увлечением новыми идеями и книгами.

Следующая вспышка дневниковой активности Белого относится к рубежу веков и опять-таки оказывается связана с литературно-художественными интересами начинающего писателя, с его «самоопределением себя, как “символиста”» и, что важно, с началом творческой деятельности. В «Материале к биографии» Белый датирует обращение к дневнику мартом–апрелем 1899 г.: «<...> я предпринимаю длинейшее критическое исследование о драмах Генрика Ибсена и начинаю вести свой идейно-литературный дневник (все — пропало)» [9, с. 51].

Согласно «Ракурсу к дневнику» (далее — *РД*) этот период наступил чуть раньше, с самого начала года. Так, в записи за январь 1899 г. отмечено: «Много читаю <...>. Веду “Дневник” (пропавший) <...>». В записях за февраль («<...> пишу себе рецензии на художественные выставки и концерты <...>» и за март («Продолжаю работать над “Дневником” и над своей статьей об Ибсене <...>») [13, с. 329] — аналогичная картина литературно-художественных увлечений, отражающихся пока не в публикациях, а в записях «для себя», т. е. в дневнике.

Этот период, если верить *РД*, длится (возможно, с перерывами) до начала 1902 г.: «Февраль. <...> Веду дневник» [13, с. 342]. О том же свидетельствует относящийся к той же эпохе рубежа веков следующий пассаж в

работе «Почему я стал символистом»: «Я пишу стихи, ультра-декадентские отрывки в прозе, громадный критический дневник (все — потеряно) <...>» [12, с. 429].

Однако вопреки уверениям Белого, что «все — потеряно», пропало отнюдь не все. Сохранилось две тетради заметок за апрель–май 1899 г. и три тетради за апрель–ноябрь 1901 г., подтверждающие данную Белым характеристику этих текстов: «громадный критический дневник». Эти весьма объемные тетради (в некоторых более 140 листов)² представляют собой скорее творческие записные книжки и, согласно справедливому определению А.В. Лаврова, осуществившего их частичную публикацию [23, с. 116–139 — фрагменты третьей тетради за 1901 г.], «могут быть названы дневниками лишь условно», так как в них «совершенно не отражены конкретные биографические реалии, почти отсутствуют и непосредственные признания о событиях личной жизни» [23, с. 116]. Однако именно этот тип дневника-черновика сохранится у Белого до конца жизни, что особенно видно на примере записей за лето 1932 г., в основном посвященных работе над статьей о поэме Г.А. Санникова «В гостях у египтян».

«Интимнейшие “дневники” эсotericических знаний». 1912–1913

Трудно сказать, вел ли Белый дневники в 1900-е и в начале 1910-х. Возможно, какие-то записи и были³. Однако совершенно определенные ука-

2 См. их описание в прим. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада к РД: «Сохранились две тетради дневниковых заметок Белого за 1899 г. — за апрель–май (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 10. 15 л.) и за май–декабрь (РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед. хр. 5. 142 л.)» и «три тетради его дневниковых аналитических заметок», относящихся к «апрелю–ноябрю 1901 г. («Апрель, май 1901 года. 1. Ответ «отцам». 2. «О безумии» (ряд афоризмов). 3. Ницше (ряд психологических набросков)» // РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед. хр. 3. 92 л.); «1. О Ницше. 2. О высшей мудрости. 3. Заметки об искусстве с точки зрения формы. 4. Два слова об идеях» // Там же. Ед. хр. 4. 141 л.); «Афоризмы и лирические отрывки» // Там же. Ед. хр. 2. 79 л.)» [13, с. 542, 548].

3 На мысль о возможном ведении записей, подобных «громадному критическому дневнику» 1896–1902 г., наводит концепция рубрики «Дневник Мусажета», изложенная в письме к Вяч. Иванову от 9 января 1911 г. Здесь обращают на себя внимание слова о возможном помещении в журнале «эмбрионов» статей. Этим же «термином» Белый будет впоследствии обозначать черновые наброски к будущим произведениям в «Кучинском дневнике» 1925–1931 гг. В этом плане особенно показательна предложенная Белым Иванову методика работы над материалом для этой рубрики. Белый описывает ее так, как будто она уже была опробована на собственном опыте: «Представь: Ты после разговора, Тебя взволновавшего, возбужден: Тебе еще не хочется спать; вдруг мысль Тебя осенила: как Ты должен был бы ответить только что ушедшему противнику. Ты подходишь к столу, заносишь блеснувшую мысль, как бы в Дневник, не стесняясь формой изложения и не думая, что вот нужно писать.

зания на обращение к дневниковому жанру появляются только в рассказах, отсылающих к эпохе увлечения антропософией и о жизни в Дорнахе. С 1912 г. Белый начал посещать лекции Рудольфа Штейнера, получать от него задания, помогающие развитию свехчувственных способностей, а в 1913 г. его успехи вознаграждаются принятием в “Esoterische Stunde”, эзотерическую школу. Рассказывая о встречах со Штейнером того времени, Белый всегда отмечал, что он регулярно давал ему медитации, а потом контролировал выполнение «домашнего задания», оформлявшегося в виде рисунков, схем и дневников. «Я, — писал Белый Э.К. Метнеру о том, что происходило в сентябре–октябре 1912 г., — <...> вел Доктору дневник виденного физическими глазами; из того, что я *видел* в то время, многое оказалось впоследствии *почти вполне объективным*; из этого явствует: оккультная работа бурно шла во мне <...>» [2, с. 460 — Письмо от 5(18) января 1913 г.]. В мемуарах Белый представляет себя учеником Штейнера, «носящим ему интимнейшие “дневники” эзотерических узваний» [3, с. 375], и подробно описывает технику работы над ними:

<...> так сложилось, что мой первый отчет о данной мне работе вылился у меня в ряде немых схем, положений, являющих попытку и познавательно проработать итоги «упражнений»: узваний и неузнаний; кроме того: я

Эти набросанные отрывки Ты посылаешь нам. <...> Или так: Ты видишь, что мог бы со временем написать такую-то статью, но знаешь, что за недосугом статьи не напишешь, а мог бы: и вот — Ты записываешь план неосуществленной статьи; это-то — что нам нужно в этом отделе. Или Тебе хочется написать 3–5–10 афоризмов. Присылай их нам. Конечно, были бы мы в восторге от интимной лирической статьи в 20 страниц, в 10 страниц для этого отдела; но если нет охоты писать, а есть желание сказать интимное — могут быть другие формы, неприемлемые в других органах, а нам-то и нужные. Вижу я уже в этом отделе и еще подотдел: “О чем говорят”. Схема записанного разговора, связанного с кругом тем Орфея, Логоса или Мусажета, где действующие лица фигурируют под А, В, С, нам важна: симптоматичны разговоры; симптоматичней статей. Отдел “О чем говорят” (подотдел “Дневника”) в этом смысле важен. Знать, о чем говорят у Вас на Башне и у нас в Москве, важнее даже Москве и Петербургу, чем читать статьи говорящих авторов. Такова схема второго отдела [25, с. 75]. На основе иного, но относящегося к тому же времени материалу аналогичное предположение было выдвинуто Е.В. Глухой: «Возникает закономерный вопрос: вел ли Белый дневник на протяжении 1900–1910-х гг.? Сохранилось свидетельство Э.К. Метнера, причем также в одной из его дневниковых записей: “Все это списано с записок Бугаева со слов Анны Рудольфовны и с записок, написанных ее рукою. Ховрино 17.01.1911. Эмилий Метнер”. Таким образом, можно предположить, что Белый вел записи каких-то важных для него событий, и в этом смысле его “Материал к биографии” есть не что иное, как трансформированный из дневниковых записей и заметок автобиографический материал» [17, с. 797].

вел особый «дневник» того, что <...> я себе называл «медитативным сырьем»; подгляды, полуподгляды, образы, полуобразы, мысли об ощущениях, ясные, невнятные, самые ощущения, иногда пренелепо показанные (в символах зарисовок) и язык знаков, особая гиероглифика (из нее позднее прорастали во вне все мои схемы, вплоть до лекционных). <...>. К схемам, знакам, зарисовкам, — прибегаю сперва я ввиду трудности мне с ним объясняться по-немецки (еще опыта не было); необходимость быть точным до педантизма — развязала не рот, а руку [3, с. 362].

Первые упоминания о такого рода «медитативном сырье» относятся к июлю 1912 г. [14, с. 758]. Последнее — к декабрю 1913 г.:

<...> я усиленно готовлю д-ру отчет о медитациях, развертывающийся в дневник эскизов, живописующих жизнь ангельских иерархий на луне, солнце, Сатурне в связи с человеком; <...> целыми днями раскрашиваю я образы, мной зарисованные (символы моих духовных узваний) <...> [9, с. 143].

В многочисленных упоминаниях про «интимнейшие “дневники” эстетических узваний» [3, с. 375] Белый неизменно подчеркивал, что они с женой А.А. Тургеневой и другими учениками Штейнера «вели дневники рисунков» [3, с. 367] и что «отчет был регистрацией в рисунках с ними бывшего» [3, с. 362–363]. И действительно, около сотни такого рода медитативных рисунков сохранилось в архиве «Наследие Р. Штейнера» в Дорнахе; уцелело, возможно, и несколько схем, подобных тем, о которых пишет Белый. Однако рассказы писателя о своей духовной работе и о жизни того времени позволяют предположить, что только рисунками и схемами он не ограничивался.

Например, в *РД*, в записи за январь 1913 г., он указывает: «Весь месяц усиленнейшие медитации; <...> веду дневники и отчеты» [13, с. 401]. В записи за февраль 1913 г. дневники и отчеты также оказываются отнюдь не тождественны друг другу: «Свидание с доктором Штейнером; сдаю отчет ему в работе и дневники» [13, с. 401]. И много лет спустя, в письме к Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г. Белый опять-таки будет подчеркивать, что в четырехлетие «1912–1915» среди его работ было множество «медитативных, схем, дневников, отчетов доктору» [1, с. 502].

То, что в этот период Белый делал не только рисунки и схемы, но и вел дневники словесные, со всей определенностью следует из его письма к Н.А. Тургеневой 1912 г.: «<...> Ася зарисовывала Д<окто>ру все ей виденное; зарисовывал и я. Кроме того: у меня был с собой своего рода “Дневник ощущений”» [20, с. 329–330].

Итак, если, по свидетельству самого Белого, отчет Штейнеру «был регистрацией в рисунках с ними бывшего», то что тогда представляли собой дневники, фигурирующие в письмах и мемуарах Белого наряду с рисунками и схемами? Намекая на то, что во время одного из «свиданий со Штейнером» (в Берлине, 13 ноября 1912 г.) между ним и учителем произошел важный разговор, Белый отметил: «Сущность разговора конспективно записана у меня» [14, с. 758]. Где записана? Возможно, в том самом дневнике, о судьбе которого ничего на данный момент не известно. Можно предположить, что писатель, уезжая в 1916 г. из Швейцарии, оставил его в Дорнахе, как и медитативные рисунки-отчеты. Напрашивается также мысль о том, что с этим интимным дневником генетически связаны описания переживаний 1912–1915 гг. в «Материале к биографии» (см. об этом: [17, с. 797]) и эзотерические страницы «Записок чудака», явившихся, по признанию Белого, способом «выбросить из себя в виде повести этот странный дневник моего состояния сознания, пребывающего в недоумении и не умеющего недоуменье выразить обычными средствами писательской техники» [7, с. 307].

«Дневник мысли». 1914–1918

Столь же неясна судьба еще одного дневника Белого, связанного одновременно и с медитативными переживаниями, и с началом Первой мировой войны. В «Материале к биографии», в записи за сентябрь 1914 г. Белый отмечает:

Мы начинаем привыкать к быту военного времени; <...> очень много занимаюсь схемами и раскраскою их; <...> к концу месяца мне особенно тягостно, неуютно; я начинаю писать дневник, из которого впоследствии вышел материал моих кризисов [9, с. 186].

В письме к Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г. говорится о том же: «<...> осенью <в> 1914 году веду свой дневник мысли, но это — зерно к имеющим из них восстать моих четырех кризисов» [1, с. 502].

Под четырьмя «Кризисами» подразумеваются философско-антропологические эссе «Кризис жизни», «Кризис мысли», «Кризис культуры», выпущенные в цикле «На перевале» издательством «Алконост» (первые два — в 1918 г., третий — в 1920 г.), и «Кризис сознания», так и не увидевший свет.

Как «дневник» представляет Белый во вступительной заметке («Вместо предисловия»), датированной июлем 1918 г., читателю первое эссе цикла, «Кризис жизни»:

Предлагаемый «дневник» мыслей есть часть дневника, который пришлось мне вести в Швейцарии в 1915-ом и 1916 году; части из этого дневника в свое время были мной напечатаны в отрывках; другие же части вошли в мою книгу «Кризис сознания», увы, не могущую появиться на свет по условиям нашего времени. Перечитывая этот дневник, убеждаюсь невольно: не устарел он; <...> на себя самих не повернулись доселе мы.

«О человек, познай себя!» [10, с. 5].

Показательно, что писатель здесь четко разделяет «дневник» (в кавычках) как жанр публицистики и собственно дневник (без кавычек), т. е. реальный дорнахский дневник, который стал «сырьем» для книги, для «дневника» (в кавычках). Как указывает в предисловии Белый, этот дорнахский дневник уже использовался им ранее при подготовке серии очерков, публиковавшихся с 15 марта по 23 августа 1916 г. в газете «Биржевые ведомости» [11, с. 174–240] и после, в 1918 г. в газете «Жизнь». Эти очерки, т. е. «первую производную» исходного дневника, Белый инкорпорировал в текст «Кризиса жизни», разбросав куски напечатанных очерков по разным главам [18, с. 165–173; 29, с. 209–223].

Подтверждает серьезную опору «Кризиса жизни» на дневниковое «сырье» и то, как Белый в *РД* (запись за июнь 1918 г.) характеризовал свою технику подготовки произведения к печати: «<...> работаю над составлением текста “Кризиса Жизни”» [13, с. 402]. Получается, что он не писал книгу, а составлял ее из фрагментов дневника, ранее уже частично переработанных в газетные очерки.

Так же описана подготовка к изданию в июне 1918 г. следующего эссе: «Начинаю 2-ой кризис “Кризис Мысли” (т. е. перерабатываю имеющийся материал для отдельной книжки)» [13, с. 442]. «Имеющийся материал» — это, видимо, те же дневники, но еще не «причесанные» для газетных очерков.

Думается, что несколько меньше с дневниковым «сырьем» 1914–1916 гг. был связан «Кризис культуры». Что же касается «Кризиса сознания», крайне не значимыми кажутся слова Белого о том, что «части» неиспользованного в «Кризисе жизни» дневника «вошли в <...> книгу “Кризис сознания”». Они, можно сказать, «рифмуются» со словами предпоследнего раздела (№ 30) «Кризиса сознания» («Кончил. Довольно: пучок этих мыслей — дневник, прорастающий будущим в книги; они не написаны; кризис сознания длится <...>» [6, с. 77]) и позволяют воспринять указание на дневник, лежащий и в основе четвертого «Кризиса», не метафорически, а вполне реально.

Однако наиболее важным в заметке «Вместо предисловия» представляется следующий пассаж: «Перечитывая этот дневник, убеждаюсь невольно: не устарел он <...>». Из него можно сделать вывод, что дорнахский дневник 1914–1916 гг. приехал вместе с Белым в Россию и был у него перед глазами в 1918 г. во время подготовки «Кризиса жизни» к печати.

В этой связи возникает целый ряд вопросов. Главный из них: куда этот дневник делся? Ответа на данный момент нет. Но не менее интересно, продолжал ли Белый вести дневник в России? На предположение о том, что — да, продолжал, наводит хранящийся в фонде Белого в НИОР РГБ небольшой текст в форме дневника, озаглавленный «Мысли из лени» [21, с. 85–92]. Он представляет собой записи за два дня — «К 2-му июня (20 мая)» и «3 июня н. ст.» Год не поставлен, но легко определяется по словам от том, что «золотой фонд богатств — подменили мы “керенками»» [21, с. 89]. Керенками называли не подкрепленные золотым запасом денежные знаки, выпускавшиеся Временным правительством с сентября 1917 г. На «позднее» время указывает и авторская датировка записей, данная одновременно по григорианскому календарю, так называемому «новому стилю», введенному в России 21 января 1918 г., и по старому, дореволюционному юлианскому календарю.

Судя по гладкости стиля, отсутствию каких-либо бытовых подробностей и авторскому заглавию, «Мысли из лени» могли быть кусочком дневника, но не исконным, а находящимся в процессе литературной обработки

для публикации в виде очерка. Уже отмечалось, что таким образом Белый поступил с дорнахским дневником, переделав в 1915–1916 гг. его фрагменты в статьи для «Биржевых ведомостей», а потом инкорпорировав их в текст «Кризиса жизни». В 1918 г. Белый опубликовал три очерка в газете «Жизнь», два из которых — «Верное знание» — 4 мая (21 апреля), «Жизнь» — 12 мая (29 апреля) также вошли в «Кризис жизни»⁴. Думается, что и «Мысли из лени» предназначались для газеты «Жизнь», издававшейся А.А. Боровым и Я.И. Новомирским с 22 (10) апреля по 6 июля 1918 г. С этой газетой Белый был связан организационно. В записи в *РД* за апрель 1918 г. отмечено: «Становлюсь сотрудником газеты Борового <...>; встречи — с Боровым и сотрудниками газеты» [13, с. 442]. Не вполне ясно, почему эта публикация не состоялась; скорее всего, Белый просто не успел ее сдать в печать до закрытия газеты. Тем не менее «Мысли из лени», как и другие литературно обработанные части «дневника философских мыслей», были включены в «Кризис жизни» (главки 31–35).

«Уцелевший кончик “Дневника”». 1919

Небольшой отрывок из подлинного дневника 1919 г., охватывающий период с 27 марта по 7 апреля, сохранился в фонде Белого в РГАЛИ и был опубликован А.В. Лавровым и Дж. Малмстадом. Его большая часть посвящена детальному обзору двух публичных мероприятий: доклада А.В. Луначарского «Абсолютный покой Бога как основная ошибка мистиков» 27 марта во «Дворце искусств» с последующими выступлениями оппонентов (Вяч. Иванова, Г.И. Чулкова, М.П. Столярова и самого Белого) и диспуту в Политехническом музее («митингу искусств») 29 марта, на котором выступали Белый, Луначарский, К.Д. Бальмонт и др. В дневнике также лаконично отмечены другие выступления, встречи с разными людьми и темы их бесед, издательские дела, погода и самочувствие.

В последней записи Белый объявляет об отказе от ведения дневника, объясняя это тем, что существование в послереволюционной России не приносит радости и не достойно описаний: «Прекращаю за неимением времени на нее эту жалкую пародию на дневник. 7-го апреля. Жизнь — собачья» [24, с. 681].

4 Третий очерк «Кризис жизни и творчества» вышел 9 июня 1918 г.

Здесь опять-таки возникает вопрос: если 7 апреля 1919 г. Белый прекратил вести дневник, то когда он его начал? Ответ, как кажется, дают две пометы Белого, поясняющие характер рукописи: «Остаток пропавшего “Дневника”, который вел в 1918–1919 гг.»; «Уцелевший кончик “Дневника”, который вел в 1918–1919 году. “Дневник” утрачен. 14 страниц» [24, с. 681]. Почти так же назвал этот документ Белый, в описи своего архива, сделанной в 1932 г. при передаче его в Литературный музей: «Кончик “Дневника”, веденного в 1918–1919 гг. “Дневник” потерян»⁵.

Если уцелело всего «14 страниц», то сколько их было в дневнике 1918–1919 гг. изначально? Это на данный момент опять-таки неизвестно. Также остается лишь строить предположения о том, как соотносились между собой три дневника 1910-х гг.: дневник эзотерических «узнаний», о котором Белый упоминает, начиная с 1912 г., «дневник мысли», который Белый вел с начала Первой мировой войны, и дневник 1918–1919 гг.? Продолжали ли они друг друга или существовали как отдельные документы?

Обращает на себя внимание и еще одна помета (подзаголовок) в рукописи 1919 г.: «Продолжение внешней записи дневника». Ее, думается, можно понять как указание на существование дневников двух типов: дневника «внешней записи» и дневника «внутреннего» («интимного»). К «внешнему» типу относились дневники, в которых фиксировались жизненные события и происшествия. К «внутреннему» типу, по-видимому, — дневники интимные, духовные и творческие, из которых черпался материал для будущих произведений. Если остаток дневника 1919 г. Белый считал «внешним», то, вероятно, «дневник философских мыслей», в котором Белый предлагал искать «зерна к имеющим из них восстать» четверем «Кризисам...», являлся дневником «внутренним».

Это деление дневников на внешние и внутренние, коррелирует с аналогичным делением (в «Записках чудака») биографии человека вообще:

Душа, сбросив тело, впервые читает, как книгу, свою биографию в теле; и видит, что кроме своей биографии в теле еще существует другая, которая есть биография — собственно; (во второй биографии видит она ряд отрезков, — периодов облечения в тело себя) [7, с. 417, также с. 289].

5 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 104.

Этот общий принцип двух биографий Белый применяет прежде всего к биографии собственной:

В моей жизни есть две биографии: биография насморков, потребления пищи, сварения, прочих естественных отравлений; считать биографией эту моей — все равно что считать биографией этих вот брюк.

Есть другая: она беспричинно вторгается снами в бессонницу бденья, когда погружаюсь я в сон, то сознание витает за гранью рассудка, давая лишь знать о себе очень странными знаками: снами и сказкой [7, с. 418, также 289].

«Блоковский дневник». 1921

Итак, в апреле 1919 г. Белый прекратил вести дневник, начатый в России в 1918 г. Но доподлинно известно, что он вновь обратился к дневниковым записям в 1921 г., на следующий день после смерти А.А. Блока (7 августа), и вел его до 6 сентября [5, с. 788–813 — с купюрами; 8, с. 447–474 — полностью]. По словам его публикаторов (С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова), дневник 1921 г. важен «и для воссоздания эпизодов, фактов и подробностей, связанных с этим трагическим событием», и для характеристики взаимоотношений двух поэтов; он содержит также и «разнообразные свидетельства о поэте как самого Белого, так и со слов других лиц», и описания первых собраний «памяти Блока» [5, с. 791].

Записи прервались в тот день, когда Белый выехал из Петрограда в Москву. Перед отъездом дневник был отдан Иванову-Разумнику, в архиве которого и сохранился — к сожалению, «в дефектном состоянии». Как отмечено публикаторами, «многие листы автографа были утрачены, некоторые дошли в поврежденном виде, от нескольких листов уцелели лишь клочки, по которым невозможно реконструировать содержание текста. Часть текста восстанавливается по машинописной копии, снятой с рукописи Ивановым-Разумником, но и она также уцелела не полностью. Некоторые фрагменты (составляющие около 1/5 всего текста) не сохранились ни в автографе, ни в машинописной копии» [5, с. 788, 791, 793].

Впоследствии, в письме к К.Н. Бугаевой от 1 июля 1934 г. Иванов-Разумник вспоминал: «Б.Н. с 7-го августа 1921 года по начало сентября, целый месяц, вел дневник, очень подробный, день за днем отмечавший его впечатления и настроения — с того момента, когда я, вернувшись домой в Д<ет-

ское> Село с квартиры Блока, сообщил Б.Н. о смерти (Б.Н. тогда жил у нас). Этот “блоковский дневник” Б.Н. подарил мне, уезжая осенью 1921 года за границу. Дневник — ценнейший для Б.Н. и для Блока <...>» [26, с. 344–345].

Такой подарок, на первый взгляд, кажется странным, но Белый ясно осознавал общественную значимость своих записей и, вероятно, обговорил с Ивановым-Разумником возможность их публичного оглашения, выделив даже (красным карандашом) наиболее важные места. «Передавая его мне в прошлом году, Борис Николаевич разрешил пользоваться им “по мере разумения” <...>», — сообщал 28 августа 1922 г. Иванов-Разумник вдове поэта Л.Д. Блок [5, с. 491].

Это разрешение было реализовано уже после отъезда Белого в Берлин. Так, в объявлении о посвященном памяти Блока заседании Вольной философской ассоциации 27 августа 1922 г. указывалось, что заседание «закончится чтением отрывков из дневника Андрея Белого (август — сентябрь 1921 года), которые переносят в настроение первых дней и недель после смерти Блока» [12, с. 367]. Зачитывал дневник Белого («то, что помечено сбоку красным карандашом» [5, с. 491]) сам Иванов-Разумник. В том же письме к Л.Д. Блок он рассказывал, что при чтении «вместо имен называл лишь условные буквы, за исключением перечня имен известных — при описании панихиды и похорон <...>. Прочел даже не все отмеченное красным; кончил местом, где цитата: “Он весь — свободы торжество”. Впечатление, по общему отзыву, было очень сильное» [5, с. 491].

На следующий день после заседания Вольфилы, 28 августа Иванов-Разумник отправил дневник Белого Л.Д. Блок («Посылаю Вам для прочтения дневник Андрея Белого» [5, с. 491]), сделав предварительно и вероятно именно для этого машинописную копию с автографа. Не исключено, что Л.Д. Блок была не единственной, кому он давал возможность ознакомиться с записями Белого.

Любопытно, что Иванов-Разумник, предупредив в письме Л.Д. Блок, что дневник Белого «не для печати», тут же добавил: «<...> во всяком случае еще не скоро для печати». Такое добавление, как кажется, указывало не столько на интимность и секретность документа, сколько на возможность его переработки в литературную продукцию. И примечательно, что, приводя в сб. «Вершины» [19, с. 109–110] обширную цитату из записей Белого (за 31 августа 1921 г.), Иванов-Разумник представил ее не как фрагмент

личного дневника, а как «слова самого Андрея Белого из одной неизданной его заметки» [19, с. 109]. Продолжая мысль Иванова-Разумника, допустимо предположить, что неизданное сегодня будет издано в будущем...

«Блоковский дневник» за август – сентябрь 1921 г. можно – подобно дорнахскому «дневнику мыслей», в котором вызрели «зерна» «Кризисов», – рассматривать как «сырье» для мемуаров о Блоке, работу над которыми Белый начал уже в августе 1921 г. и продолжил в Берлине [22, с. 3–21].

Опять-таки без ответа остается вопрос: не являются ли отданные Белым Иванову-Разумнику записи за период со смерти Блока до 6 сентября частью более пространного дневника? Не продолжил ли Белый его вести после возвращения из Петрограда в Москву в сентябре и далее, после отъезда в октябре 1921 г. в Германию?

Берлинские дневники: найденные и проданные.

1921–1923

До недавнего времени никаких сведений о дневниках Белого берлинского периода не было. Но 9 декабря 2016 г. на парижском аукционе «Collin du Vosage», проводимом аукционным домом «Drouot» и посвященном теме «Россия. История и искусство»⁶, был представлен большой комплекс материалов, оставленных или забытых Белым у своего друга и издателя С.Г. Каплуна перед отъездом в Россию. В конце 1920-х он перебрался в Париж, где скончался в 1940 г. О вывезенном Каплуном из Берлина архиве Белого стало известно, только когда он появился на предаукционной выставке (ноябрь–декабрь 2016 г.) и на торгах. В характеристике лота (№ 266) было сказано, что архив обнаружился в подвале одного из парижских домов, причем в сильно поврежденном состоянии, с утратами. Он был приобретен неизвестным лицом⁷, а потому о сохранившихся материалах можно пока судить лишь по названным в каталоге аукциона документам и их лаконичному описанию. Однако и этого достаточно, чтобы понять, насколько активно в период жизни в Германии Белый вел записи автобиографического характера. Так, в первый раздел лота поставлен «Дневник берлинской жизни (внешней) А. Белого»:

6 См. каталог аукциона на сайте. URL: https://www.auction.fr/_fr/vente/art-et-histoire-russes-45047?tab=infos#.XEciVVUzYkI (дата обращения: 23 февраля 2019).

7 Попытки Министерства культуры РФ приобрести архив для РГАЛИ не увенчались успехом.

Шесть тетрадей формата in-folio по десять/пятнадцать листов каждая. Содержат вырезки из публикаций, рассказывающих о событиях в русской литературной среде и касающихся творчества Андрея Белого в Берлине с 18 ноября 1921. Почти каждый лист сопровождается многочисленными пояснениями Андрея Белого. На оборотной стороне некоторых листов находим рукописные тексты Андрея Белого. Архив долгое время пролежал в подвале. 10 листов подверглись воздействию влаги, что привело к значительным утратам текста.

В отдельный раздел выведены «Рукописи-дневники периода с 1916 по 1923 гг. (записки, черновики, воспоминания, участие в кружках, ассоциациях, собраниях, перечень прочитанных лекций, выступлений и т. д.)». Конкретизируется этот набор то ли собственно дневников, то ли автобиографических «регистрационных сводов» (подобных тем, что были опубликованы в «Литературном наследстве», т. 105) следующим образом:

- Вольная философская ассоциация в Петербурге. 7 листов in-4°.
- Общественная деятельность в форме дневника с марта 1916 г. в Москве и Петербурге. Работа для себя с сентября 1916 г. до октября 1921 г. 20 листов in-4°.
- Жизнь за границей. Книги, изданные за границей. Падение марки. Лист in-folio.
- Список общественных выступлений. 6 листов in-4°, двойной лист in-folio.
- «В Берлине». Двойной лист in-folio.
- В каких обществах или кружках состоял.
- Список книг, провозимых в Россию и список авторских книг А. Белого. Двойной лист in-folio.

Остается мечтать, чтобы эти материалы когда-либо увидели свет и стали доступны читателям и исследователям. Сейчас же можно лишь с уверенностью утверждать, что в эмиграции Белый вел и дневники, и родственные дневникам записи как синхронного, так и ретроспективного характера. И еще: опираясь на указание Белого о том, что в архиве Каплуна остался дневник «внешней» берлинской жизни, можно предположить и существо-

вание дневника «внутренней» жизни, которая в тот период была полна боли и разочарований (уход любимой жены, конфликт с Антропософским обществом и пр.). Ведь за 76 лет, прошедших со смерти Каплуна до обнаружения архива в сыром парижском подвале, что-то могло и пропасть. Да и не только у Каплуна, бывшего хоть и давним, но отнюдь не самым душевным другом Белого, могли остаться материалы писательского архива.

«Кучинский дневник». 1925–1931

Белый вернулся из Германии в Советскую Россию осенью 1923 г. Он активно участвовал в литературной жизни Москвы, пытался писать и печататься. Жить ему было трудно, но главной неразрешимой проблемой стало отсутствие своей квартиры. Сначала он ютился у московских знакомых, а в 1925 г. переехал в подмосковную деревню Кучино, где снимал комнаты (с мая — у И.А. Левандовского, с середины сентября — у Е.Н. и Е.Т. Шиповых). Вместе с Белым в Кучине поселяется его новая возлюбленная, а потом вторая жена Клавдия Николаевна — урожд. Алексеева, в первом браке Васильева, с 1931 г. Бугаева.

В конце 1925 г. Белый начинает снова вести дневник: «<...> с 15 ноября до 15-го декабря нервно заболеваю; мы с К.Н. замыкаемся в Кучине; из полного отчаяния начинаю писать свой “Кучинский Дневник”» [13, с. 488]. И ведет его до конца марта 1931 г. Судьба этого — можно сказать без преувеличения — грандиозного литературного памятника оказалась поистине трагичной.

В 1931 г. в Москве было заведено дело о контрреволюционной организации антропософов, членом и идеологом которой был Белый [27, с. 366–422]. Аресты начались 27 апреля 1931 г. и продолжались до 30 мая 1931 г. Незадолго до этого (9 апреля) Белый и Клавдия Николаевна (в то время она еще официально числилась замужем за П.Н. Васильевым и носила его фамилию) переехали из подмосковного Кучина в Детское Село. В их отсутствие — в ночь с 8 на 9 мая — в квартире П.Н. Васильева (Плющиха, д. 53, кв. 1) произошел обыск. Хозяина арестовали, а сундук с рукописями и документами, оставленный Белым у него на время отъезда в Детское Село, увезли в ОГПУ. В сундуке хранился и «Кучинский дневник». В нем были «бытовые записи, выписки, рецензии о книгах, дневники путешествий, интимно-биографические воспоминания, ряд начатых работ и т. д.» [16,

с. 275]. Специфика этого дневника (в его творческой части, видимо, чем-то похожего на юношеский дневник конца 1890-х — начала 1900-х) во многом была обусловлена идеологической и политической ситуацией в Советской России (цензура, запрет Антропософского общества и пр.). В конце 1926 г. Белый так объяснял его роль в своей жизни: «Возвращаюсь к “Дневнику”, ибо все мысли для выхода в свет — заперты; <...> “Дневник” становится мне складочным местом: сюда валю и эмбрионы мыслей, и личные отметки» [13, с. 492]. Иными словами, «Кучинский дневник» служил для фиксации текущих событий, впечатлений, раздумий («личные отметки») и одновременно выполнял функцию творческой записной книжки, так как в него заносились и в нем вызревали те «эмбрионы мыслей», из которых выросли практически все произведения 1920-х: трактат «История становления самосознающей души», травелоги «Ветер с Кавказа» и «Армения», роман «Москва», мемуары, литературоведческие книги [28, с. 832–842]⁸.

По подсчетам Белого, примерный объем утраченной рукописи: «до 150 печ^атных листов» [16, с. 275 — 109–110].

Остались от этого гигантского текста лишь малые крохи. В приложении к Следственному делу о контрреволюционной организации антропософов нами были обнаружены «Выдержки» из дневника — перепечатанные машинисткой ОГПУ фрагменты записей за 1930–1931 гг. — примерно 1 печатный лист. Ими было «подкреплено» обвинительное заключение по делу антропософов, подтвержден антисоветский характер этой нелегальной организации и проиллюстрировано неприглядное «политическое лицо» Андрея Белого.

8 Более подробные сведения можно почерпнуть в «Ракурсе к дневнику» — очень кратком конспекте изъятых дневника. РД охватывает период с 1899 г. по 3 июля 1931 г. Значительная часть записей (с начала до конца 1927 г.) была сделана ретроспективно, с опорой на феноменальную память и, возможно, какие-то документы. С 1927 г. в РД по дням аннотируются темы и события, отраженные, как кажется, в «Кучинском дневнике». Не исключено также, что какие-то события внешней биографии, на фиксацию которых нацелен РД, могли и не попасть в сам дневник.

Видимо, часть записей в РД после 1927 г. также делались не синхронно дневниковым, а с некоторым временным отступом. Иначе трудно объяснить, почему РД закончился на середине 1930 г., а дневник велся до марта 1931 г. О том же может свидетельствовать странная для синхронного повествования забывчивость Белого, обнаруживающаяся в РД, напр., в записях за ноябрь и декабрь 1929 г.: «Штудирую Тьяньнова, его исследование о Ломоносове, Пушкине, Тютчеве (забыл заглавие) <...>»; «Читаю <...> лекции по истории Церкви первых веков; и историю папства (16-го, 17-го века) (имена авторов запамятовал)» [13, с. 534].

Кроме «Выдержек», сохранилось несколько цитат из «Кучинского дневника», приведенных Белым в письмах к Иванову-Разумнику в контексте размышлений о текущих жизненных событиях. Так, в письме от 3 октября 1927 г. цитируется запись за 1 января:

Когда теперь бывает душно и тяжело, то оказываешься душевно слабее своих же мыслей. Достал свой дневничок, и себе самому в назиданье, а не Вам, прочитываю написанное мною себе в Дневник скоро год тому назад. *«Предстоящее семилетие будет особенно трудно для непознавших...; ведь обращение к ним... познать будет идти остраннением их кармы, которую они ульшат стуком судьбы; а этот стук есть стук бед, трудностей, страданий...»* (Кучинск<ий> дневник, 1 янв<аря> 1927 г., 1 час ночи).

Легче записывать рецепты для других, чем для себя. *Остраннилась* за эти десять месяцев и моя карма. Остраннение в том, что вижу Аримана почти воочию на физическом плане; и он пристаёт, цепляется, ущипывает пальцы, бьет трамваем, бросает об лед, обнимает медведем и вместо утешающих листиков бросает в глаза муть с песком и подставляет глухую стену, в которую и впяешься; не говоря уже о том, что жизнь наша вполне, как темница. Кряхтишь вовсю. Но в темницу не верю. И не случайно в моем Кучинском дневнике запись 1-го января кончается текстом, открывшимся мне в Книге в самый безысходный, темничный миг: «Темницу мы нашли запертою, но отворив, не нашли в ней никого» (Деян<ия> ап<остолов>). Речь идет о выведении из темницы апостолов ангелами. Так же «претерпевшие до конца» будут духом изведены из темницы. «Изведи из темницы душу мою» [1, с. 540–541].

В РД в записи за 1–2 января 1927 г. эти «новогодние» мысли, вероятно, нашли такое лаконичное отражение: «Тема ритма года» [13, с. 492].

Или другой пример. В письме от 23 октября 1927 г. Белый вспоминал, как год назад цепь случайных обстоятельств (знакомая мелодия, неожиданная встреча) всколыхнула в нем память о душевных травмах, нанесенных ему в середине 1910-х А.А. Тургеневой, М.Я. Сиверс (женой Р. Штейнера), и дорнахскими антропософами, и о том, как эти болезненные воспоминания перерождались в воспоминания светлые:

<...> в прошлом году, в октябре, чуть ли не 18-го, в понедельник, я уезжал из Долгого переулка в Кучино; перед отъездом К.Н. мне играла Шуберта (романсы), а я все искал романса, с которым связаны воспоминания юности; его не нашлось: «Не этот ли?» — сказала К.Н. и сыграла великолепный «*Die Stadt*»: описывается стояние перед городом путника; путник вспоминает, какую боль здесь некогда он пережил; разбилась его любовь; из шубертовских звуков, им соответствуя, встали старые улочки Базеля, Базель, мы с Асей, Мария Яковлевна — между нами; «*все*» бурно поднялось во мне, как обида и... бунт; и я это сказал К.Н.; она меня успокоила; непроизвольно я заехал перед вокзалом к М.А. [Чехову]; и у него случайно встретил приехавшую из «*Die alte Stadt*» девушку, почитательницу и эвритмическую ученицу... Аси; сыгранный мне К.Н. «*Die Stadt*» был — *предуведомлением*; Асина «*ученица*» вознамерилась мне нечто передать от Аси; и я вернулся в Кучино — «*бурей*», дней 8 рвал и метал <...>. И это был путь от «*боли*» и «*бунта*» к теме, преобладающей «*Воспоминания*» [I, с. 547].

Для подтверждения подлинности своего пути от «темных» чувств к свету Белый пересказывает прошлогодний дневник:

<...> мои дневниковые записи от октября 1926 года (на днях их перечитал: полезно!) — перечисление «*кровных обид*», полученных от Аси, Общества, Базеля и «*старой дурь*» (так в миги ярости зову «*Frau Doktor Steiner*»); 23-го и 24-го в «*Дневнике*» записи: «*довольно*», «*нельзя*» бурлить: лучше темное и интимное не вспоминать, а вспоминать — светлое, полученное от доктора; так «*боль*» и «*бунт*», исходящие от «*Die alte Stadt*», перешли в ноты «*Воспоминаний*» о докторе (ноябрь–декабрь) <...> [I, с. 547].

В РД в записи за октябрь 1926 г. значит:ся:

Возвращаюсь к «*Дневнику*» <...>: в октябре из «*Дневника*» вытягиваются мои воспоминания о духовной работе у Штейнера; потом обрываю воспоминания на том месте, где они еще не анализированы сознанием (до вожу анализ моих «*медитаций*» до Христианин); и перехожу к теме просто «*Воспоминаний* о Штейнере» [I3, с. 492].

Вероятно, под тем «местом» мемуаров о Штейнере, которое еще «не анализировано сознанием», следует видеть те самые «кровные обиды» на А.А. Тургеневу, М.Я. Сиверс и западных антропософов, которые были записаны в «Кучинском дневнике», а потом пересказаны в письме к Иванову-Разумнику.

«Кончик дневника». 1931 г. Дневники 1932–1933 гг.

С дневниками Белого 1930-х гг. дело обстоит более благополучно: они находятся в фонде писателя в НИОР РГБ и не так давно были опубликованы [4, с. 843–1031].

Это, во-первых, конец того большого дневника, который Белый начал вести в Кучине в 1925 г. Он начинается с записи за 1 апреля, т. е. непосредственно продолжает «Выдержки» (в них последняя запись датирована 30 марта). Данный фрагмент дневника уцелел, так как находился не в сундуке, изъятом сотрудниками ОГПУ, а «уехал» вместе с Белым в Детское Село. Апрельские записи доведены до 12-го числа: они охватывают период сборов, переезд и первые впечатления от нового места жительства. Далее следует большой перерыв — до 22 мая (за это время сотрудники ОГПУ успели арестовать многих друзей-антропософов и увезти сундук с рукописями). Возможно, Белый просто не вел дневник в эти 40 пропущенных дней, но также не исключено, что он в страхе уничтожил некоторые страницы: запись за 22 мая начинается с нового листа. Тогда же, 22 мая, Белый объявил о своем решении прекратить ведение дневника и объяснил его причины: «Больше “Дневника” писать не буду: в СССР “Дневники” есть “пожива”» [4, с. 893]. Вторая (она же последняя) майская запись датирована 30 числом, днем ареста Клавдии Николаевны в Детском Селе, и полна отчаяния («Убит!») [4, с. 894]. Позже вписанная Белым карандашом на нижней части листа пояснительная фраза свидетельствует о намерении больше к дневнику не возвращаться: «Кончик Дневника, веденного с 1925-го до 1931 года (все остальное изъято у меня и удержано в ОГПУ) <...>» [4, с. 894]. Однако вновь тяга к дневниковому самовыражению пересилила страх и унижение: записи возобновились 14 июля и велись до 24 августа.

«Дневник 1932 года» охватывает период с конца июня по начало октября. Судя по первой записи (25 июня) Белый не вел дневник почти год: «Возвращаюсь к прерванному “Дневнику”. Бросил его после ареста К.Н.»

[4, с. 912]. Значительная часть этого дневника представляет собой черновые наброски статьи Белого «Поэма о хлопке», посвященной поэме Г.А. Санникова «В гостях у египтян». По ним, думается, можно судить о том, как были вмонтированы в пропавший «Кучинский дневник» 1925–1931 гг. «эмбрионы мыслей» и черновые материалы к «Истории становления самосознющей души», «Воспоминаниям о Штейнере», мемуарам «На рубеже двух столетий» и другим произведениям [4, с. 832–842].

Трудно сказать, существовал ли дневник, охватывающий осень–зиму 1932 г., а также часть 1933 г. Сохранившийся дневник 1933 г. начинается с августа–сентября и заканчивается в начале декабря. Его можно назвать последним, предсмертным дневником. Напомним, что с мая по июль 1933 г. Белый с Клавдией Николаевной отдыхал в писательском Доме творчества в Коктебеле. 15 июля с ним случился тепловой удар (Белый назвал это «солнечным отравлением», современные медики диагностировали бы его как инсульт). 29 июля супруги Бугаевы решились выехать в Москву. Август прошел в борьбе с недугом. В сентябре Белому стало казаться, что силы понемногу возвращаются. Он стал строить планы на будущее, вновь взялся за работу и за дневник. Последняя запись («Дикая затылочная боль» [4, с. 1010]) сделана 3 декабря; 8 декабря Белый был госпитализирован, а через месяц, 8 января 1934 г. умер.

Итак, уцелевшие фрагменты дневников Белого, а также упоминания о дневниках пропавших доказывают, что писатель вел дневники большую часть своей жизни. Это как минимум: юношеский дневник рубежа XIX–XX вв., дневник «эзотерических узнаний» (с 1912), «дневник философских мыслей» (с 1914), дневник эпохи революции (1918–1919), «блоковский дневник» (1921), берлинские дневники (1921–1923), «Кучинский дневник» (1925–1931), дневники 1932 и 1933 гг.

Сохранившиеся дневники и упоминания о дневниках пропавших позволяют сделать вывод о том, что существовали дневники разных типов и назначений: дневники «внешней жизни» и жизни внутренней, дневники интимные, регистрационные, событийные, творческие. Все они, но преимущественно последние, лежат в основе значительного числа произведений писателя, причем как стилизованных под дневники, так и на первый взгляд не имеющих к дневникам прямого отношения. Этим, вероятно, можно объ-

яснить отсутствие первых черновиков и набросков к ряду напечатанных работ Белого: они — в дневниках.

В этой связи следует, как кажется, серьезно отнестись к пометам Белого, указывающим на дневниковую природу ряда произведений и, более того, выделить в творчестве писателя не только автобиографический сегмент, но и внутри него — сегмент дневниковый, представленный как исходными дневниками (в терминологии Белого — дневниками без кавычек), так и дневниками, подвергшимися художественной обработке, превращенными в публицистику или художественную прозу, т. е. «дневниками» в кавычках. Выявление особенностей дневникового жанра, его вариантов и инвариантов, изучение дневникового сознания и дискурса у Белого — тема дальнейших исследований. К тому же поле для таких исследований может (и на это хочется рассчитывать) существенно расшириться за счет обнаружения и введения в научный оборот тех дневников, которые на данный момент считаются или пропавшими, или находящимися вне научного доступа.

Список литературы

- 1 Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / публ., вступит. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 733 с.
- 2 Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. В 2 т. / вступит. ст. А.В. Лаврова; подгот. текста, коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой. М.: НЛЮ, 2017. Т. 2. 736 с.
- 3 *Андрей Белый*. Воспоминания о Штейнере // *Андрей Белый*. Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / общ. ред. В.М. Пискунова; сост., коммент. и послесл. И.Н. Лагутиной. М.: Республика, 2000. С. 236–535.
- 4 *Андрей Белый*. Дневники 1930-х годов / подгот. текста и коммент. М.Л. Спивак // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 105. С. 843–1031.
- 5 *Андрей Белый*. Дневниковые записи / предисл. и публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 788–813.
- 6 *Андрей Белый*. Евангелие как драма. [Заключительная часть «Кризиса сознания»]. М.: Русский Двор, 1996. 80 с.
- 7 *Андрей Белый*. Записки чудака // *Андрей Белый*. Собр. соч.: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. М.: Республика, 1997. С. 280–496.
- 8 *Андрей Белый*. К материалам о Блоке // *Андрей Белый*. О Блоке / вступит. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Автограф, 1997. 606 с.
- 9 Андрей Белый. Материал к биографии / подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 105. С. 29–328.
- 10 *Андрей Белый*. На перевале. I. Кризис жизни. Пб.: Алконост, 1918. 116 с.
- 11 *Андрей Белый*. Очерки 1916 года для газеты «Биржевые ведомости» / подгот. текста и коммент. Д.О. Торшилова, Е.В. Глухой // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 174–240.
- 12 *Андрей Белый*. Почему я стал символистом... // Андрей Белый. Символизм как миропонимание / сост., вступит. статья и примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 418–492.
- 13 *Андрей Белый*. Ракурс к дневнику / подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 105. С. 329–654.
- 14 *Андрей Белый*. Свидания с доктором / подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 105. С. 758–759.
- 15 Белоус В. Г. Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2005. Кн. 2. 800 с.

- 16 *Воронин С.Д.* Статья В.Д. Бонч-Бруевича «Архив Андрея Белого» // Археографический ежегодник за 1984 год. М.: Наука, 1986. С. 273–276.
- 17 *Глухова Е.В.* Об эволюции дневникового жанра // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX в. Динамика жанра. Общие проблемы. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 786–806.
- 18 *Глухова Е.В., Торшилов Д.О.* Андрей Белый в Первую мировую войну // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 165–173.
- 19 *Иванов-Разумник.* Вершины: Александр Блок Андрей Белый. Пг.: Колос, 1923. 246 с.
- 20 Из архива Н.А. Тургеневой: Письма Эллиса, А. Белого и А.А. Тургеневой / публ. Д. Рицци // *Europa Orientalis*. 1995. Vol. XIV (2). P. 295–340.
- 21 *Комелли А.* «Мысли из лени» Андрея Белого // *Russian Literature*. 2005. Vol. LVIII (I/II). P. 85–92.
- 22 *Лавров А.В.* «Романтика поминовения». Андрей Белый о Блоке // *Андрей Белый. О Блоке*. М.: Автограф, 1997. С. 3–21.
- 23 *Лавров А.В.* Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1979. Л.: Наука, 1980. С. 116–139.
- 24 Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды: Материал к биографии, Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / сост. А.В. Лавров и Дж. Малмстад. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 1116 с.
- 25 Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920) / вступит. статья, подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и Дж. Малмстада // *Русская литература*. 2015. № 2. С. 29–103.
- 26 Смерть Андрея Белого (1880–1934). Сб. статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина. М.: НЛЮ, 2013. 967 с.
- 27 *Спивак М.Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. 577 с.
- 28 *Спивак М.Л.* Поздние дневники Андрея Белого: пропавшие и уцелевшие // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 105. С. 832–842.
- 29 *Торшилов Д.О.* Мировая война и цикл «Кризисов» Андрея Белого // *Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика: исследования и материалы*. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 209–223.

References

- 1 Andrey Bely and Ivanov-Razumnik. Perepiska [Correspondence], ed. by A.V. Lavrov, J. Malmstad. St. Petersburg, Atheneum–Feniks Publ., 1998. 733 p. (In Russ.)
- 2 Andrey Bely and Emilii Metner. *Perepiska 1902–1915* [Correspondence. 1902–1915]. In 2 vols., ed. by A.V. Lavrov, J. Malmstad, T.V. Pavlova. Moscow, NLO Publ., 2017. Vol. 2. 736 p. (In Russ.)
- 3 Andrey Bely. Vospominaniia o Shteinere [Memories about Steiner]. *Andrey Bely. Sobranie sochinenii: Rudolfʹf Shteiner i Gete v mirovozzrenii sovremennosti. Vospominaniia o Shteinere* [Collection of works: Rudolf Steiner and Goethe in the modern worldview. Memories about Steiner], ed. by I.N. Lagutina. Moscow, Respublika Publ., 2000, pp. 236–535. (In Russ.)
- 4 Andrey Bely. Dnevniky 1930-kh godov [Diaries of the 1930s], ed. by M.L. Spivak. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, vol. 105, pp. 843–1031. (In Russ.)
- 5 Andrey Bely. Dnevnikovye zapisi [Diary notes], ed. by S.S. Grechishkin, A.V. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1982. Vol. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia [Aleksandr Blok. New materials and studies], part 3, pp. 788–813. (In Russ.)
- 6 Andrey Bely. *Evangelie kak drama. Zakliuchitel'naia chast' "Krizisa soznaniia"* [Gospel as a drama. The final part of the "The Crisis of Consciousness"]. Moscow, Russkii Dvor Publ., 1996. 80 p. (In Russ.)
- 7 Andrey Bely. Zapiski chudaka [Notes of the Eccentric]. *Andrey Bely. Sobranie sochinenii: Kotik Letaev. Kreshchenyi kitaets. Zapiski chudaka* [Collection of works: Kotik Letaev, The Baptized Chinaman. Notes of an eccentric]. Moscow, Respublika Publ., 1997, pp. 280–496. (In Russ.)
- 8 Andrey Bely. K materialam o Bloke [To the materials about Blok]. *Andrey Bely. O Bloke* [About Blok], ed. by A.V. Lavrov. Moscow, Avtograf Publ., 1997. 606 p. (In Russ.)
- 9 Andrey Bely. Material k biografii [Material for biography], ed. by A.V. Lavrov, J. Malmstad. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, vol. 105, pp. 29–328. (In Russ.)
- 10 Andrey Bely. *Na perevale. I. Krizis zhizni* [On the Pass. I. The crisis of life]. Peterburg, Alkonost Publ., 1918. 116 p. (In Russ.)
- 11 Andrey Bely. Ocherki 1916 goda dlia gazety "Birzhevye vedomosti" [Essays from the newspaper *Birzhevie vedomosti* (1916)], ed. by D.O. Torshilov, E.V. Glukhova. *Politika i poetika: russkaia literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny* [Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of World War I]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 174–240. (In Russ.)
- 12 Andrey Bely. Pochemu ia stal simvolistom... [Why did I become a symbolist...] *Andrey Bely. Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a mindset], ed. by L.A. Sugai. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 418–492. (In Russ.)

- 13 Andrey Bely. Rakurs k dnevniku [View on the diary], ed. by A.V. Lavrov, J. Malmstad. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, vol. 105, pp. 329–654. (In Russ.).
- 14 Andrey Bely. Svidaniia s doktorom [Encounters with the Doctor], ed. by A.V. Lavrov, J. Malmstad. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, vol. 105, pp. 758–759. (In Russ.).
- 15 Belous V.G. *Vol'fila [Petrogradskaia Vol'naia Filososfskaia Assotsiatsiia]: 1919–1924* [Petrograd Free Philosophical Association]: 1919–1924]. Moscow, Modest Kolerov i “Tri kvadrata” Publ., 2005. Vol. 2. 800 p. (In Russ.).
- 16 Voronin S.D. Stat'ia V.D. Bonch-Bruevicha “Arkhiv Andrey'a Belogo” [Article of V.D. Bonch-Bruevich “Andrey Bely's Archive”]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1984 god* [Archaeographic yearbook for 1984]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 273–276 (In Russ.).
- 17 Glukhova E.V. Ob evoliutsii dnevnikovogo zhanra [About the evolution of the diary genre]. *Poetika russkoi literatury kontsa XIX – nachala XX v. Dinamika zhanra. Obshchie problemy* [Poetics of Russian literature of the end of 19th – beginning of 20th century. Dynamics of the genre. General problems]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 786–806. (In Russ.).
- 18 Glukhova E.V., Torshilov D.O. Andrey Bely v Pervuiu mirovuiu voinu [Andrey Bely during the First World War]. *Politika i poetika: russkaia literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny* [Politics and poetics: Russian Literature in the historical and cultural context of the First World War]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 165–173. (In Russ.).
- 19 Ivanov-Razumnik. *Vershiny: Aleksandr Blok, Andrey Bely* [The Peaks: Alexander Blok, Andrey Bely]. Petrograd, Kolos Publ., 1923. 246 p. (In Russ.).
- 20 Iz apxiva H.A. Turgenevoi: Pis'ma Ellisa, A. Belogo i A.A. Turgenevoi [From H.A. Turgeneva's archive: Letters from Ellis, A. Bely and A.A. Turgeneva], ed. by D. Rizzi. *Europa Orientalis*, 1995, vol. XIV (2), pp 295–340. (In Russ.).
- 21 Komelli A. “Mysli iz leni” Andrey'a Belogo [“Lazy thoughts” by Andrey Bely]. *Russian Literature*, 2005, Vol. LVIII (I/II), pp. 85–92. (In Russ.).
- 22 Lavrov A.V. “Romantika pominoventiia”. Andrey Bely o Bloke [“The romance of Remembrance”. Andrey Bely about Blok]. *Andrey Bely. O Bloke* [About Blok]. Moscow, Avtograf Publ., 1997, pp. 3–21. (In Russ.).
- 23 Lavrov A.V. Iunosheskie dnevnikovye zametki Andrey'a Belogo [Andrey Bely's Youth Diary Notes]. *Pamiatniki kul'tury: Novee otkrytiia. Pis'mennost'. Iskustvo. Arkheologiya: Ezhegodnik 1979* [Cultural Monuments: New Discoveries. Writing. Art. Archaeology: Yearbook 1979]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 116–139. (In Russ.).
- 24 *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016. Vol. 105: Andrey Bely. Avtobiograficheskie svody: Material k biografii, Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov [Autobiographical Records: material

- for biography. View on the diary. Registration records. Diaries of the 1930s], ed. by A.V. Lavrov, J. Malmstad. 1116 p. (In Russ.)
- 25 Perepiska Andreya Belogo i Viacheslava Ivanova [Correspondence between Andrey Bely and Vyacheslav Ivanov] (1904–1920), ed. by N.A. Bogomolov, J. Malmstad. *Russkaia literatura*, 2015, no 2, pp. 29–103. (In Russ.)
- 26 Smert' Andreya Belogo [The death of Andrey Bely] (1880–1934). *Sb. statei i materialov: dokumenty, nekrologi, pis'ma, dnevniki, posviashcheniia, portrety* [Collection of articles and materials: documents, obituaries, letters, diaries, dedications, portraits], ed. by M.L. Spivak, E.V. Nasedkina. Moscow, NLO Publ., 2013. 967 p. (In Russ.)
- 27 Spivak M.L. *Andrey Bely – mistik i sovetskii pisatel'* [Andrey Bely as a mystic and a Soviet writer]. Moscow, RGGU Publ., 2006. 577 p. (In Russ.)
- 28 Spivak M.L. Pozdnie dnevniki Andreya Belogo: propavshie i utselevshie [Andrey Bely's late diaries: Missing and survived manuscripts]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 105. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, vol. 105, pp. 832–842. (In Russ.)
- 29 Torshilov D.O. Mirovaia voina i tsikl "Krizisov" Andreya Belogo [World War and the "Crises" cycle by Andrey Bely]. *Russkaia publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: politika i poetika: issledovaniia i materialy* [Russian journalism and periodicals of the First World War: politics and poetics: research and materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2013, pp. 209–223. (In Russ.)